

Он ненавидел себя за то, что у него не было сил переломить ход событий, ненавидел жестокость Ци Цзина, не оставившего путей к отступлению. Веки невыносимо горело, Чжуан Цинхун уткнулся лицом в подушку, и наконец из глаз скатилась горячая слеза.

С самого детства, как бы его ни обижали, он никогда не плакал. Даже когда единственный послушный слуга взял на себя его вину и был избит до полусмерти и изгнан из поместья, он не особенно горевал. Но сейчас ему казалось, что в груди зияет дыра, и в ней пульсирует одна лишь боль по имени Чжуан Фэй... Разве, когда плакал Чжуан Фэй, он не испытывал точно такую же боль?

Чжуан Фэй, Чжуан Фэй... Быть может, я тоже люблю тебя. Только вот понял я это слишком поздно, разве не так?

Прошло два дня. Чжуан Цинхун по-прежнему оставался под домашним арестом в Павильоне Дождя и Снега, не имея возможности даже выйти из собственной спальни. Никаких новостей снаружи до него не доходило. Чжуан Цинхун извёлся от беспокойства и жара, ел лишь самую пресную пищу, а уголки его рта покрылись болезненными волдырями. Он смертельно боялся: стоило ему представить, что Чжуан Фэй окажется под какими-нибудь мужчинами, что те мужчины могут быть ничтожными пьянчугами или простолюдинами из числа торговцев и ремесленников, лишь бы у них водились деньги... От одной мысли о том, каково сейчас Чжуан Фэю, Чжуан Цинхун чувствовал удушающие волны тошноты.

Чжуан Фэй... Зачем ты был так глуп?

Господин Учэнь... Поешьте, пожалуйста.

Прислуживающий мальчик помог Чжуан Цинхуну приподняться и поставил на кровать небольшой столик с несколькими простыми блюдами. По сравнению с прежней изысканной едой нынешнее угощение выглядело убого.

Слуги, готовые явиться по первому зову, личная кухня — все привилегии исчезли. Теперь он уступал даже пользовавшимся некоторой популярностью младшим мальчикам-любовникам и томился под стражей в тихом Павильоне Дождя и Снега.

Он не получал ни крупицы вестей о том, что, возможно, уже гремело на всю округу.

Мальчик ловко расставил еду и бросил взгляд в окно, на его лице промелькнуло нетерпение.

На вид этому сюнсю было лет одиннадцать-двенадцать. Чжуан Цинхун попытался выудить из него хоть слово, но тот упорно молчал. Заметив тень нетерпения на лице ребёнка, Чжуан Цинхун подавил собственную тревогу и непринужденно, словно невзначай, заговорил. Он выстроил слова столь искусно, что мальчик потерял бдительность и проговорился:

— Завтра великий день — шествие нового хуакуй. Хуакуй-дажэнь пообещал позволить мне нести его зонт, интересно, не забыл ли он об этом.

Чжуан Цинхун опешил, но продолжил говорить неторопливо и мягко, вызывая у собеседника непреодолимое желание выговориться, и осторожно продолжил расспросы:

— Хуакуй-дажэнь? Разве в этом году хуакуй не из Башни Биси...

— Вы ещё не знаете! Хуакуй-дажэнь и кандидат в хуакуй из Башни Биси, похоже, из-за междоусобной грызни в борделе оба оказались обезображены! Хозяйка Башни Биси изо всех сил пыталась замять это дело, но кандидата в хуакуй больше нет. Если выдвинуть кого попало, да ещё некрасивого, так весь Цветущий квартал со смеху умрёт! Вот позавчера хозяйка Башни Биси и пришла просить о помощи нашу матушку Хун Ли. Нынче место хуакуй займет кто-то от нашей Башни Длинного Ветра! Теперь во всей Обители забвения знают, что наша Башня Длинного Ветра выставляет своего хуакуй. Изначально мы планировали представить хуакуй-дажэня лишь через год, а теперь выдвигаем раньше времени, даром что в Башне Биси только и ждут, чтобы мы сели в лужу. Хм, по-моему, им суждено разочароваться! Я видел хуакуй-дажэня, он невероятно красив, уж он-то заставит всех оценить величие нашей Башни Длинного Ветра!

Произнеся это, мальчик переполнился гордостью: хуакуй их Башни Длинного Ветра непременно станет самым прекрасным! Куда уж тому, кто сидит перед ним!

В голове Чжуан Цинхуна пронеслись тысячи мыслей, но внешне он сохранил полное спокойствие:

— Значит... хуакуй нашей Башни Длинного Ветра...

Внезапно снаружи послышался чей-то кашель. Мальчик мгновенно опомнился, лицо его смертельно побледнело. Забыв о том, что Чжуан Цинхун даже не притронулся к еде, он торопливо убрал поднос и стремглав выбежал прочь.

На приём пищи отводилось всего две четверти часа. Как только время истекало, стража у дверей подавала знак, и нельзя было задерживаться ни секундой дольше.

Чжуан Цинхун сидел на кровати и погрузился в раздумья. Хун Ли изначально твердо решила сделать хуакуй его самого, но у неё подрастала и другая подходящая кандидатура — правда, той было всего лет двенадцать-тринадцать, так что выводимый в свет хуакуй вряд ли мог быть ею.

В конце концов, почему обе обладающие талантом хуакуй девушки из Башни Биси вдруг одновременно лишились лиц? Это казалось слишком странным. Перед самым шествием хуакуй вокруг него всегда крутится немало прислуги, как могло произойти подобное несчастье?

И еще то, о чем говорил мальчик: похоже, новый хуакуй пообещал ему нести зонт во время шествия, к тому же новый хуакуй необычайно хорош собой... Неужели Хун Ли прятала еще одну красавицу?

К тому же, если шествие назначено на завтра, сегодня ночью в Башне Длинного Ветра будет полно хлопот, а завтрашняя охрана неизбежно ослабнет. Это шанс! Завтра он отправится на поиски Чжуан Фэя. Пусть даже придется стать беглым преступником, он все равно уведет Чжуан Фэя отсюда!

Чжуан Цинхун лег, закрыл глаза и словно снова увидел Чжуан Фэя. За два дня разлуки он, казалось, еще сильнее запечатлел Чжуан Фэя в своем сердце... Из-за скверного ночного отдыха и далеко не лучших целебных мазей его раны еще не зажили до конца. Он уговаривал себя поскорее уснуть и набраться сил, но вместо этого лишь сильнее мучился бессонницей, снедаемый тревогами о будущем.

Бежать — путь скверный. Чжуан Цинхун прекрасно это понимал, именно поэтому в первые дни после избиения он не решился на побег. Не говоря уже о том, как трудно покинуть Цветущий квартал, стоило им вырваться за его пределы, как они тотчас превращались в государственных преступников. Он и так был грешником, а побег лишь прибавил бы ему вины. К тому же у них не было даже документов, куда им податься? Без гроша в кармане, без клочка земли — чем они станут жить, где найдут приют? Они оба с Чжуан Фэем обладали примечательной внешностью, куда ни приди — всюду навлекут беду. Даже если скрыть лица, долго ли они протянут без средств к существованию?

Но если не бежать, что им остается? Чжуан Цинхун чувствовал себя до смерти уставшим.

Чжуан Цинхун никак не мог уснуть. Когда после наступления ночи у дверей послышалась возня, он расслышал каждый звук: приветствие стражников, предупреждение Цинэр, а затем дверь тихо отворилась, и кто-то вошел внутрь.

В груди внезапно защемило: Чжуан Цинхун понял, что пришел Чжуан Фэй. Походка Чжуан Фэя была такой же, как всегда — легкой, почти бесшумной. Раньше Чжуан Фэй много раз украдкой подходил поправлять ему одеяло, двигаясь с той же осторожностью, чтобы ненароком не разбудить.

— Молодой господин... — Чжуан Цинхун закрыл глаза. Он не смел заговорить: снаружи повсюду были уши, он не мог выдать себя, иначе лишился бы даже призрачного шанса на спасение.

Ночью в спальне не зажигали огней, окна были плотно закрыты, воцарилась непроглядная тьма. Но Чжуан Фэй прекрасно знал здесь каждый предмет обстановки и легко подошел к кровати Чжуан Цинхуна. Главы привыкли к темноте, и он наконец разглядел лежащего ничком на постели Чжуан Цинхуна, который явно спал из рук вон плохо.

Чжуан Фэй тихонько усмехнулся, протянул руку, коснулся лица Чжуан Цинхуна и разгладил

его нахмуренные брови:

— Молодой господин, неужели и во сне вас тревожат заботы?

Чжуан Цинхун лежал с закрытыми глазами, дыхание его было ровным.

— Молодой господин, имя мне дал сам господин — чтобы я умел отличать добро от зла. Но господин уже забыл Чжуан Фэя. Вы дважды спасли Чжуан Фэя, и теперь пришла моя очередь помочь молодому господину.

В груди Чжуан Цинхуна всё содрогнулось. Как такое возможно! Он же отчетливо помнил, что у того слуги была самая обыкновенная внешность! Как этот юноша мог оказаться столь чистым и несравненно прекрасным Чжуан Фэем!

— Молодой господин говорил, что больше не может защитить Чжуан Фэя. Ничего страшного.
— Чжуан Цинхун слушал тихий голос Чжуан Фэя и чувствовал, как по его щеке скользнул рукав. На ощупь ткань оказалась необычайно мягкой, ничуть не хуже тех нарядов, что он носил в обычные дни. — Я знаю заветное желание молодого господина. Чжуан Фэй сделает всё возможное, чтобы защитить вас.

Сердце Чжуан Цинхуна снова сжалось от боли, в глазах вновь защипало, и уголки век намокли.

— ... — Голову чуть приподняли. Чжуан Цинхун зажмурился сильнее, чувствуя, как другое, раскаленное дыхание приближается. Угадав, что намерен сделать Чжуан Фэй, он невольно выпрямился всем телом.

Его губ коснулись две мягкие губы. Легкое касание, отстранение, новое прикосновение — они нежно терлись друг о друга, прикусывали и посасывали кожу. Пусть движение было мягким, в нем сквозила непреклонная решимость. Обжигающее дыхание опаляло лицо Чжуан Цинхуна, отчего его собственный жар начал нарастать. Неизвестно, было ли это вызвано влиянием Чжуан Фэя или тем, что он сам уже давно, подобно Чжуан Фэю, воспытал к нему чувства, но дыхание Чжуан Цинхуна тоже постепенно становилось горячим.

Наконец те губы прижались к нему плотнее, робкий кончик языка скользнул по уголку рта, очертил губы и проник в щель между ними. Скользкий язык, неумелые движения — он целовал всё, до чего мог дотянуться, пока им обоим не стало не хватать воздуха. Лишь когда они начали задыхаться, Чжуан Фэй слегка отстранился и шумно, прерывисто задышал. Это изумило Чжуан Цинхуна, но в то же время наполнило его сердце хрупким счастьем... Из последних сил сдерживая себя, он не выдал своего пробуждения.

— Не бойтесь, молодой господин, Чжуан Фэй непременно защитит вас, — прошептал Чжуан Фэй, еще раз легко чмокнул Чжуан Цинхуна в губы, поднялся и бесшумно вышел.

Услышав, как за дверью Цинэр словно бы утешает Чжуан Фэя, приговаривая что-то вроде того, что его одежда вся в дорожной пыли, и дождавшись, пока звуки шагов полностью стихнут, Чжуан Цинхун пошевелил затекшим телом. Он коснулся щеки: след от обжигающих слез Чжуан Фэя уже исчез, но кожа все еще горела огнем. Он прикоснулся к губам — все ощущения от недавнего поцелуя испарились, оставив лишь горький привкус, который продолжал kloкотать и нарастать...

Сможет ли он... оправдать это глубокое чувство? Тот самый простолюдин из прошлых лет вырос... нет, преобразился до такой невероятной красоты, порвав кокон, словно бабочка, готовая упорхнуть в тот самый миг, когда он потеряет всякую надежду удержать его. Чжуан Фэй ценил Чжуан Цинхун, и ей не было смысла спорить с ним. Проявив немного уважения, она добилась того, что обе стороны остались довольны. Пока Чжуан Фэй послушно соглашался принимать гостей и вел себя смирно, не устраивая беспорядков, она не собиралась намеренно чинить ему препятствия. Более того, если бы Чжуан Фэй старался чуть сильнее и помог Чжуан Цинхун жить лучше, это тоже было вполне возможно.

Хотя она, Хун Ли, и была хозяйкой в Цветочном доме, у нее все же оставалось кое-какое понятие о чести и совести. Иначе неужели в Цветочном доме не бушевала бы людская злоба, и разве можно было бы тогда спокойно вести дела?

— Твой иероглиф «фэй» не слишком хорош, — Хун Ли озарила лицо улыбкой, полной показного дружелюбия. — Я советовалась с толкователем имен: поговаривают, что в квартале удовольствий иероглиф «фэй» так и норовит навлечь неприятности и пересуды. Как думаешь, не сменить ли его?

По знаку Хун Ли вперед тут же выступил слуга, бережно держа наготове уже заготовленный свиток.

Когда хуакуй шел по улице с праздничным шествием, в самомпереди двигались те, кто объявлял имя. В их обязанности входило знакомить толпу с именем главного украшения праздника с помощью именных фонарей, шелковых полотен и нарядных вееров, поэтому имя хуакуй требовалось утвердить заблаговременно.

Бросив быстрый взгляд на свиток, Чжуан Фэй покачал головой и, прежде чем Хун Ли успела выказать недовольство, произнес:

— Чистая белизна прекрасна и изысканна, а багрянец — несравненное очарование. Хозяйка оказала мне огромную милость, так почему бы не звать меня [Чжуан Фэй]?

Хун Ли осталась еще более довольна, кивнула в знак согласия и снова велела Чжуан Фэю хорошенько отдохнуть. Оставив целую толпу прислужников заботиться о нем, она удалилась вместе со свитой, и лишь тогда Чжуан Фэй лег в постель при помощи сяоши.

Лежа в кровати, Чжуан Фэй хранил глубокое молчание. Линия судьбы этого мира сместилась вперед: Чжуан Цинхун был избит Ци Цзином, но все же сумел вернуться в Башню Длинного

Ветра своими силами. Это также означало, что дело сбором улик Чжуан Цинхуном уже раскрылось. В такой момент ни в коем случае нельзя было позволить Чжуан Цинхуну пойти по прежнему пути, иначе какой вообще смысл имел весь тот путь, что он проделал раньше?

К тому же происходило что-то странное: время, когда стрялась беда с хуакуй из Башни Биси, было подобрано слишком уж вовремя — казалось, всё это направлено против Чжуан Цинхуна. Чжуан Фэй потерял виски. Неужели в развитии изначальной линии мира кроется некая непреодолимая сила? К счастью, он из всех сил продемонстрировал Хун Ли свою ценность и лишь благодаря этому заполучил это горячее и опасное местечко хуакуй. В противном случае, даже пожертвовав самим собой, он не смог бы уберечь Чжуан Цинхун от падения в пучину мирской грязи...

Было ли во всем этом хоть какой-то смысл?

Чжуан Фэй тяжело вздохнул, закрыл глаза и позволил мыслям рассеяться. Раз уж они зашли так далеко, какой толк теперь рассуждать о подобном?

Ведь он отправляется в Переправу снов далеко не впервые, не так ли? Он давным-давно смирился с этим, и ему не жаль пожертвовать абсолютно всем.

Сейчас перед ним стояла лишь одна задача — гарантировать безопасность Чжуан Цинхуна и в то же время отыскать способ благополучно вызволить его из Обители забвения. К счастью в этом несчастье, стоило ему прочно занять место хуакуй, как его положение станет бесчисленные разы выше прежнего положения сяоши, а в его руках окажется немалое право голоса. Вот тогда защитить Чжуан Цинхуна будет куда проще.

Едва забрезжил рассвет, как Чжуан Цинхун пробудился. За дверью уже не было тихо: отовсюду доносился гам и суета. Превозмогая недомогание в теле, Чжуан Цинхун на цыпочках подошел к двери и осторожно выглянул наружу, оценивая обстановку. Он заметил, что большая часть стражников, охранявших его прежде, уже снята — осталось всего несколько человек. Он как раз размышлял над тем, каким бы способом ускользнуть, как вдруг снаружи послышался сумбурный топот ног. Судя по нестройному шуму, к нему направлялось по меньшей мере больше десятка людей.

Вскоре суматошный топот стих. Чжуан Цинхун тщательно спрятался в укрытии, прижался пальцем к окну, проткнул в бумажной занавеске крошечное отверстие и принялся вглядываться наружу.

В тот самый миг, когда он разглядел происходящее, ему на мгновение показалось, что у него закружилась голова.

Это был Чжуан Фэй, но совсем не тот обычный Чжуан Фэй, к которому он привык.

Позади него следовали двое сяоши, державшие в руках отменные фонари и ярко освещавшие

путь вокруг Чжуан Фэя. Благодаря этому Чжуан Цинхун мог в мельчайших деталях рассмотреть его.

Больше не опуская голову по привычке так низко, что это казалось смиренным и робким, он теперь держался прямо, гордо вскинув подбородок и глядя перед собой. Выражение его лица излучало благородство и изящество, а взгляд мягких, влажных глаз мгновенно вызывал расположение у всякого, кто на него смотрел. На нем были надеты невероятно роскошные одежды: из-под ворота многослойно выглядывали искусно вышитые узоры, широкие рукава реяли на ветру, словно разгоняемые потоком воздуха легкие облака, а длинный верхний халат сверкал ценными инкрустациями из нефрита. Широкий золоченый пояс изящно охватывал талию, массивный нефритовый кулон с узором счастливых облаков висел на поясе, а оторочка из белого меха на наброшенной поверх лисьей шубе придавала ему утонченность. На лбу красовалась изящная нефритовая налобная повязка глубокого зеленого оттенка, а три тысячи шелковистых черных прядей волос были аккуратно распущены по спине без всякого венца. Его украшала великолепная серебряная корона с жемчужинами размером с горошину, которая лишь подчеркивала его несравненную, способную затмить луну и заставить цветы стыдливо прятать лепестки красоту. От его сияния не смели поднимать глаз, но в то же время отчаянно хотелось отразить еще пару глаз, чтобы смотреть и не отрываться.

Чжуан Цинхун не мог описать словами те чувства, что бушевали в его груди. Он смотрел, как Чжуан Фэй опустился на колени у его порога и со всей тщательностью отвесил поклоны, касаясь лбом пола. Пока не завершились все девять положенных по церемонии поклонов, один из сопровождавших сяоши торопливо помог ему подняться, в то время как второй свернул расстеленный на земле ковер и удалился.

Вся процессия, следовавшая за ним, также разом рассеялась.

В этот момент Чжуан Цинхун вдруг ощутил пронизывающий до костей холод. Шаги удаляющегося Чжуан Фэя по-прежнему были спокойными и мерными, а каждое движение казалось изящным, словно сошедшая с картины иллюстрация, но Чжуан Цинхун уловил в его удаляющейся спинной линии глубокую тоску и непроглядную тьму.

Прощаясь с прежним хозяином... Чжуан Цинхун сжал кулаки. Неужели он, некогда так сильно ненавидевший прежнего хозяина этого человека, теперь сам станет для него прошлым? В эту секунду в душе Чжуан Цинхуна поднялась бесконечная, бескрайняя скорбь.

Новый хуакуй — Чжуан Фэй.

Он прекрасно понимал, зачем Чжуан Фэй пошел на этот шаг. Чжуан Фэй создавал ему лицо, заявляя всем вокруг, что он, Чжуан Цинхун, пусть больше и не носит звание господина Учэня, отныне не потерпит никаких издевательств. Чем глубже уважение, которое выказывал ему Чжуан Фэй, тем серьезнее окружающим приходилось взвешивать цену за оскорбление хуакуй.

Именно об этом и говорил Чжуан Фэй, утверждая, что сделает всё возможное для его защиты.

Внезапно Чжуан Цинхун осознал и истинный смысл вчерашнего визита Чжуан Фэя. Ради любимого человека тот был готов продать собственную плоть и внешность, и раз оставалась хоть искра надежды, он наверняка жаждал явить возлюбленному свои самые прекрасные, лучшие черты. Грудь Чжуан Цинхуна сдавило от удушливой боли: каково же было самому Чжуан Фэю, вынужденному идти на такое против воли?

Но эта привязанность могла погубить их обоих. Чжуан Фэй не боялся смерти, но больше всего на свете страшился за него самого. Чжуан Цинхун едва сдерживался, чтобы не закричать и не зарыдать в голос: ведь всё, что он имел теперь, было добыто ценой унижения Чжуан Фэя, а сам он был совершенно бессилён!

— Эй, видал нового хуакуй? Говорят, его зовут Чжуан Фэй, до чего же он хорош, я прямо засмотрелся, — у стражника зачесались руки, и он не удержался от реплики в адрес напарника. — Жаль только, что он хуакуй. Нам горбатиться до десятого колена — и то не заработать столько, чтобы позволить себе его общество.

Другой стражник кивнул, выглядя несколько озадаченным:

— Но с какой стати он пришел поклониться... — он покосился на дверь позади них, и смысл недосказанного был очевиден без всяких слов.

— А вот этого ты не знаешь! — загадочным тоном произнес первый стражник. — Моя сестрица служит младшей служанкой при самой хозяйке Хун Ли. Она-то мне и рассказывала, что тот, кто сидит за этой дверью, спас Чжуан Фэю жизнь, а вдобавлений некогда даже наставлял его. Чжуан Фэй безмерно благодарен ему и глубоко уважает его. Иначе после столь тяжкой провинности разве мог бы он спокойно жить в Павильоне Дождя и Снега и обходиться без серьезных наказаний? Тот мальчишка, что приносит еду, знаешь его? Он ведь явился сюда именно по повелению господина хуакуй. Погляди-ка, какими харчами его кормят — насколько они изысканнее наших! Эх, а этот сиделец и впрямь удачлив. У хуакуй есть совесть, иначе он давным-давно сгинул бы в беде. А уж чего в Цветочном доме точно в избытке, так это душ несправедливо убитых, за которых некому заступиться! Нам велено лишь нести дозор, так что смотри мне, лучше и не думай переходить ему дорогу, иначе...

Второго стражника прошиб холодный пот: в прошлые разы он нет-нет да и позволял себе окрикнуть мальчишку с едой, посматривая на того свысока и пренебрежительно. Он принялся горячо благодарить товарища за предостережение.

Молча выслушав всё это, Чжуан Цинхун вернулся во внутренние покои, опустился на кровать и погрузился в тяжелые раздумья. Он не собирался мириться с уготованной участью и позволить Цветочному дому замучить Чжуан Фэя до смерти. Он непременно должен был разработать безупречный план и вытащить Чжуан Фэя отсюда! А когда придет время, взять его в законные супруги, не расставаясь больше ни на мгновение.

Чжуан Цинхун быстро взял себя в руки. Хун Ли выделила Чжуан Фэю множество слуг не только из-за его нового статуса хуакуй, но и с тайным умыслом вести за ним слежку. Более

того, она заново оформила для Чжуан Фэя личность, полностью загнав под замок любые разговоры о его прежней роли сяоши в этих покоях, велев всем считать, будто он прибыл сюда исключительно для обучения. Раз документы были изготовлены заново, значит, его происхождение не сводилось к простому дворовому мальчишке, купленному на стороне. Судя по нежной белизне кожи, сравнимой с чистейшим нефритом, Чжуан Фэй вряд ли происходил из семьи простых простолюдинов; его манеры лишены прежней робости, но в них нет ни высокомерия, ни отстраненной гордыни. На роль отпрыска обедневшего аристократического рода он подходил едва ли, а вот сын разорившегося мелкого купца — наиболее вероятный вариант.

Выросший в избалованном достатке, он в одночасье рухнул на самое дно с падением семейного очага, но сохранив при этом каплю прежнего очарования и изнеженности.

Получив статус хуакуй, помимо запрета покидать Цветочный дом, он приобретал гораздо больше свободы в распоряжении собственным временем. Иными словами, стоило лишь усыпить бдительность Хун Ли, как Чжуан Фэй обретал почти полную независимость внутри Башни Длинного Ветра. А раз так, ему достаточно просто искать удобный момент, чтобы Чжуан Фэй как можно чаще навещал его...

Чжуан Фэй смертельно ненавидел участь блудницы, но был вынужден подчиниться, и ради его спасения ему придется продолжать в том же духе. Однако от такой жизни изо дня в день любой сошел бы с ума. Ему было необходимо регулярно видеть Чжуан Фэя. Чжуан Цинхун горько усмехнулся: возможно, при виде него самого Чжуан Фэй станет страдать еще сильнее... Нет, точно так же, как Чжуан Фэй поступал с ним раньше, он тоже сможет сделать так, чтобы они, как в прежние времена, могли жить в радости.

Пытаться действовать втайне не имело смысла — Хун Ли не станет ему доверять, да и он сам не желал подвергать Чжуан Фэя лишнему риску. Оставалось лишь затаиться на время и не делать резких движений. К счастью, Ци Цзин уже испытывал к нему глубочайшее отвращение, и нынешняя операция лишь подтвердила, что этот человек больше никогда не станет опекать его, опозоренного и отвергнутого. И это было лучше всего.

.....

Чжуан Цинхун обдумал бесчисленное множество вещей, до мелочей просчитывая, как им держаться друг с другом в дальнейшем и как использовать связи для побега из Цветочного дома. Но сколько бы он ни размышлял, это никак не унимало терзавшую его душу тревогу, а горечь во рту не становилась слабее ни на йоту.

Шло время — долго, очень долго.

Лишь когда совсем рассвело, Чжуан Цинхун сменил одежду, распахнул дверь и перекинулся несколькими фразами со стражниками, на лицах которых застыло выражение смеси опаски и суровости. В конце концов один из охранников отправился за разрешением к Хун Ли, после чего появилась Цин Эр и увела Чжуан Цинхуна с собой.

<http://bllate.org/book/21679/2236332>